

Ваня Озерянский

Лес, окружавший деревню Озеряны, был такой большой, что, казалось, ему не было конца.

Ваня очень любил лес и по-осеннему разукрашенный разными красками, и зимний, заваленный снегом, и чёрный, безлистный – ранней весной, и шумный, зелёный – летом.

И Ваня всегда радовался, когда отец-охотник отправлялся в дальние урочища и брал его с собой.

В то утро, когда началась война, фашистские бомбардировщики появились над тихими Озерянами.

Вражеским самолётам приказано было бомбить Рогачев, районный центр, но им преградили путь наши зенитки. И вот тогда фашистские бомбардировщики сбросили бомбы на деревушку.

Одна бомба взорвалась на огороде у Озерянских. Горячая воздушная волна налетела на избу и развалила её. Под обломками погибли Ванины мать и отец. Самого мальчика, бежавшего к дому, воздушная волна отшвырнула к кустам сирени. Контуженный, он пролежал без сознания полдня.

Его нашли. Выходили: всем было жалко осиротевшего мальчика. Утешали. Старались сделать так, чтобы он позабыл хоть немного своё горе.

Тяжело и трудно было всем.

Вместо деревянных домов люди построили земляные: вырыли ямы, обшили досками, накрыли брёвнами. И жили под этими крышами.

В нескольких километрах, в районном городе, хозяйничали гитлеровцы. Много раз проезжали они мимо Озерян на грузовиках и танкетках.

Жители земляной деревни, заслышав шум моторов, уходили в лес. Фашисты думали, мёртвое село, и проезжали мимо.

Ваня приглядывался и видел: не все озерянские возвращаются из леса. Не вернулся кузнец дядя Антон, Семёновы...

Всё чаще и чаще слышал Ваня загадочное, удивительное и манящее слово «партизаны».

«Партизаны обстреляли вражеский обоз на лесной дороге».

«Партизаны переправили озерянским женщинам, детишкам ржаную муку и тёплые кожухи».

«Партизаны отбили у фашистских солдат много пулемётов и положили много гитлеровцев из этих же пулемётов...»

Слушая обо всём этом, Ваня старался представить себе, какие они эти партизаны? Виделись они ему даже во сне – бородатые великаны с зычными голосами, увешанные гранатами, автоматами. Такими представлялись ему люди, не боявшиеся гитлеровских солдат.

Но вот в Озерянах появился снова дядя Антон! Мальчишки, что были постарше Вани, говорили про кузнеца: «Партизанский командир!»

А Антон Васильевич каким был, таким и остался – невысоким, с сиплым

голосом, без всякой бороды. А вооружение – один наган, торчавший из кармана.

Это Ваню и удивило, и обрадовало.

«Если партизаны такие же люди, как дядя Антон, – подумал мальчик, – мне тоже можно с ними...»

Он атаковал партизанского командира:

— Я с тобой, дядя Антон!

У Антона Васильевича мало было времени на разговоры. И чтобы мальчонка поскорее отвязался, пошутил:

— Без оружия, братка ты мой, мы не берём... Вооружайся... Вот тогда поговорим.

Ваня принял разговор вполне серьёзно. После ухода Антона Васильевича мальчик долго копался на том месте, где стоял когда-то его дом. Отрыл охотничье ружьё отца. Оно было совсем целое. Только поржавело, испачкалось в земле.

Два дня ушло на чистку двустволки, ещё два – на поиски для неё патронов. Их Ванюшке так и не удалось раздобыть. Плохо, конечно, с незаряженным ружьём. Но, если судить по рассказам озерянских жителей, партизаны отнимают у вражеских солдат не только оружие. Патроны – тоже. «Главное, есть оружие! – решил Ваня. – А патроны дадут».

И он собрался и стал ждать. А дядя Антон как ушёл, так и не появлялся больше в Озерянах. Ванюшка ждал две недели, никому ничего не говорил – чего доброго отберут ружьё.

На дворе стояла уже осень. Вот-вот нагрянут заморозки. Дрова на зиму надо запастись.

Увидел Ванюшка, как старые женщины таскают на себе дрова из леса, захотел им помочь. Хоть и мал, а всё-таки «мужичок». Попросил у одной старушки топор, раздобыл крепкую верёвку – и в лес.

Мальчик знал, куда лучше всего идти – на старую вырубку. Там – целые кучи сухих сосновых веток, там же лежало немало срубленных когда-то деревьев.

Добравшись до сечи, Ваня принялся рубить топором ветви, стволы небольших сосенок. Скоро вязанка дров была готова.

Мальчик приготовился уже взвалить её себе на спину, как неожиданно услышал:

– Не дотащишь, дровосек!

Ваня оглянулся: на сосновом пне сидел дяденька, заросший неровной щетиной. Голова перевязана. На голове – командирская фуражка со звёздочкой, а на коленях – автомат.

«Похоже свой. Не фашист...» Это Ванюшка почувствовал сразу. «Может, партизан!», – обрадовался было мальчик. Но тут же заметил: «Партизаны такие фуражки не носят. У дядьки Антона на голове шапка, а к ней пришита красная лента».

Мальчик не знал тогда, что в лесах скрывалось немало советских бойцов

и командиров, оказавшихся в окружении.

Сидящий перед Ваней незнакомый военный был как раз из числа таких «окруженцев». Услышав стук топора, он и подошёл тихонько к маленькому дровосеку.

– Зовут-то тебя как? – приветливо спросил военный.

Ваня не стал скрывать ни своего имени, ни названия деревни. Военный расспрашивал о соседних деревнях, о том, есть ли мосты через реку Друть, куда ведёт ближняя просека...

Убедившись, что мальчик здешний и прекрасно знает всю округу и лес, военный спросил:

– Про семнадцатый кордон не слышал случайно?

– Как же! Слышал, – ответил Ваня. Он об этом лесном кордоне не только слышал, но и бывал на нём много раз с отцом. Там живёт старый лесник дядя Левон: небольшая крепкая изба, два сарая, навес для сена – вот, пожалуй, и весь кордон.

– Хорошо бы ты нам дорогу к леснику показал, – попросил Ваню незнакомец и дал знак рукой – из чащи вышли бойцы.

Когда Ваня оказался среди красноармейцев, он растерялся, но быстро оправился и проговорил:

– Пойдёмте ... со мной... Я проведу...

По самым коротким тропам, которые знал Ваня, которые видел даже в темноте, группа красноармейцев и их командир добрались до кордона.

Лесника дома не застали. Но по горячим углям в печи и чугунок со щами догадались, что хозяина долго ждать не придётся.

Дед Левон возвратился через два часа. Он не сразу узнал Ваню. Мальчик поспешил успокоить растерявшегося было старика:

– Тут все свои, дедушка. Со мной пришли. Ваня я... Из Озерян.

Командир стал знакомить лесника со своими бойцами, назвал и свою фамилию: «Золотарёв!» Признался деду, что слышал о нём много хорошего.

– Надо, отец, помочь нам связаться с партизанским отрядом, если есть партизаны в здешних лесах.

– Есть, есть! – поспешно сообщил Ванюшка.

– А ну, за дверь! – погрозил ему дед Левон.

Лесник опасался, не привёл ли к нему мальчонка переодетых вражеских солдат. Гитлеровцы пускались на любые хитрости, чтобы выведать базы партизан.

Когда дед удостоверился, что перед ним свои, он позвал Ваню в дом.

– А к Васильеву ручью тропу найдёшь?

Мальчику был знаком и ручей в густом, болотистом лесу, и тропа. Отец ещё рассказывал, будто по нему удобно находить дорогу, чтобы не заплутаться в чащобах. Бежит ручей к реке, на луговое раздолье. Пойдёшь по нему, и выведет он тебя кратчайшим путём из леса.

– Надо, Иванка, бойцов к тем местам провести... Там «у них» всегда имеется дозорный.

Ваня понял: «у них» – это значит у партизан. Обрадовался.

– Можно сейчас идти? – спросил он у лесника.

Старый Левон обсудил с командиром, как лучше поступить. Сошлись на том, что бойцам необходим отдых: не спали двое суток, выбились из сил. Васильеву ручью Ваня может слетать и один. Дед Левон был уверен: мальчуган отыщет дорогу.

Сам же дед Левон отправился в другое, только ему одному известное место. «Если, – рассудил он, – в одном не будет никого, в другом кто-нибудь отзовется. Надо, чтобы сами партизаны пришли на встречу с бойцами».

Ваня отправился в Васильеву ручью в тот же день. Солнце ещё стояло высоко. Но в лесу темнеет раньше, чем в поле. И надо было спешить, чтобы добраться до ручья, пока не стемнеет. Тропинка, по которой он шёл, была скользкая от дождей, усыпана листьями. Мокрые листья не шуршали под ногами, скрывали даже шаги. Ни единого шороха, ни звука не было слышно.

Мальчик едва не вскрикнул от неожиданности, когда дорогу ему заступил вооружённый гитлеровец.

– Кто такой? – спросил он по-русски.

Ваня, увидевший сначала только немецкие сапоги с короткими голенищами и шинель цвета болотной травы, переборол страх и поднял голову. Он сразу же узнал Антона Васильевича.

Дядя Антон помнил мальчика. «Кто такой?» – это был не вопрос, а оклик, пароль.

Потом, уже когда Ванюшка с Антоном Васильевичем пробирались сквозь еловую чащу к партизанскому лагерю, их несколько раз останавливал всё тот же оклик невидимых часовых:

– Кто такой??

– Идёт война народная, – спокойно отвечал Антон Васильевич.

Когда пришли на большую лесную поляну, Ване показалось, что он попал в родную деревню. «Хаты» были вырыты в земле, а главное – здесь оказалось много знакомых, озерянских колхозников. Они радостно здоровались с Ваней, пожимали ему, как взрослому, руку. Спрашивали, как там, в деревне.

У Вани не было времени подробно отвечать на вопросы, надо было поскорее возвращаться на кордон.

Пока партизанские командиры держали совет, Ваня подкреплялся на партизанской кухне жареной в сале картошкой, чаем, заваренным каким-то душистыми кореньями.

Совсем стемнело, и мальчика уже брало беспокойство: сумеет ли он найти дорогу назад.

– Ну, как? Хороша наша столовая? – в дверях появился Антон Васильевич. – Поставим тебя на довольствие, если не возражаешь.

Пригнувшись, чтобы не задеть за косяк головой, дядя Антон вошёл в «столовую», просторную низкую землянку со столом, вкопанным в земляной пол.

- Что молчишь? Или не нравится?
- Нравится. Но мне к деду Левону на кордон надо.
- На кордон пошли уже. Не волнуйся. Приведут пополнение.

Первые дни Ваню всё устраивало.

Однако вскоре он почувствовал, что с ним обращаются всё так же, как и в деревне: стараются получше накормить, сшили ватные, стёганые штаны, телогрейку, шинель. Приставили к нему старого озерянского пасечника Кузьму Фомича, чтобы смотрел за ним, как за родным. Все его жалеют – «сирота всё-таки».

А он мечтал попасть к партизанам не за тем, чтоб греться у печки и сытно есть. Надо было хоть что-то делать в отряде. Могли бы какое-нибудь задание дать...

Ваня совсем уже было отчаялся, как вдруг нашлось дело и ему.

Дядя Антон попросил его снова помочь Золотарёву и его бойцам. Им надо было скорее добраться до хутора Барсуки.

– Сможешь провести людей, Ваня? – спросил Антон Васильевич. – У меня проводников лишних нет... Потому и прошу...

Барсуки – затерянный в глухом бору хутор – знали все озерянские ребята. Там, в полуразвалившихся хатёнках, уже лет пять никто не жил. Водились только черти и леший. Так, во всяком случае, говорили суеверные старухи. И у ребятишек, бродивших в лесу, не было желания близко подходить к страшному месту. Ваня немного трусил. Но это было когда! – давно, прошлым летом. Тогда ему ещё не исполнилось и восьми годов. А главное, в ту пору он не был ещё партизаном.

– Я проведу в Барсуки, – ответил мальчик Антону Васильевичу.

В лесу уже лежал неглубокий снег. Идти «по белой тропе», прокладывая дорогу, было трудно.

Зимой всё не так: деревья все, как одно, – белые, похожие друг на друга, троп – никаких, следы – только звериные... Но не даром же говорили про озерянских жителей: они лес понимают, умеют видеть даже под снежным покровом каждую тропинку.

Ваня шёл так, как подсказывало ему чутьё. И на удивление всей группы, вывел партизан напрямом к заброшенному хутору.

Дальше группа пошла уже одна, без проводника. Золотарёв велел Ване находиться в одной из опустевших избышек и ждать их возвращения. Им нужно было добраться до шоссе и дороги, а там недалеко и мост, проложенный через не замёрзшую ещё реку.

По подсчётам Золотарёва, от Барсуков до того моста ходу часа полтора.

– Жди нас. Часа через четыре будем.

Ушли партизаны – мальчик принялся заготавливать дрова. Вытащил десятка два сухих палок из частокола, отодрал несколько досок от стены развалившегося сарайчика... Выгреб из печи слежавшуюся там золу, нашёл

тесак, чтобы нащепать лучины.

Незаметно пролетело часов около двух. Приготовив всё, он присел у окна и стал смотреть в ту сторону, откуда должны были возвратиться его товарищи. Это для них он приготовил дрова, вычистил печь.

«Придут, – думал, – затопят её. Обсушатся, отогреются...»

Вернулись вовремя.

Золотарёв озорно подмигнул:

– Теперь, Ванюха, форсированным маршем – на базу. Дело сделано.

Группа Золотарёва подорвала мост, по которому постоянно двигались мотоколонны. Гитлеровцы в любое время могли пуститься в погоню за подрывниками.

– Надо уходить, – говорил Ване командир. – Отдыхать дома будем... У тебя ноги короткие... Поедешь на закорках Небедухина.

Самый рослый из группы, партизан Небедухин, посадил мальчика себе на спину, и все тронулись в обратный путь. Шли по стёжке, проложенной недавно.

Находясь уже в самой гуще леса, они услышали стрельбу. Строчили автоматы. Глухой, далёкой была автоматная стрельба. Фашисты добрались до Барсуков, а в лес сунуться побоялись.

Подросший, окрепший за зиму Ваня решил: хватит ему ходить в отряде безоружным. Он может уже носить винтовку или автомат. Сила есть. Ну, а поскольку оружие мальчику давать не хотели, он решил раздобыть его сам. Вспомнил про отцово охотничье ружьё. Оно было припрятано в Озерянах. Оставалось только сходить туда – и он уже «при оружии».

В Озеряны Ваня направился ранним, туманным утром. Ступал осторожно, прислушиваясь, нет ли в лесу посторонних звуков.

В том месте, где кончался бор и партизанская тропинка выходила из него в негустой перелесок, мальчик остановился. Ему показалось, хрустнула ветка. Ваня напряг слух. «Нет, не показалось. Вот снова хруст. И ещё. Шагов же – никаких».

Мальчик осторожно раздвинул ветки орешника, за которыми спрятался, и увидел невдалеке гитлеровских солдат. Они надламывали у опушки молодые деревца.

«Зачем бы это им?»

Вдали, на дороге, виднелись гитлеровские автомашины, покрытые брезентом.

Ваня понял: надо мчаться в назад, в лагерь. Надо сказать обо всём, что он увидел, командиру отряда.

По заснеженной тропе бежать было трудно. Подбегая уже к лагерю, Ваня едва волочил ноги. В глазах стояли какие-то тёмные круги. Если бы он споткнулся, упал, ему бы, наверное, не хватило сил, чтобы подняться.

В отряде была объявлена тревога. Пришедшие вскоре разведчики подтвердили: гитлеровцы готовятся окружить Озерянский лес. Солдаты надламывали деревья, где начиналась партизанская тропа. В этом на-

правлении должен двигаться карательный отряд.

И он вскоре двинулся. Цепь за цепью гитлеровские солдаты прочёсывали лес.

Они прошли лес насквозь, но не встретили в нём партизан.

Отряд по тревоге покинул свою стоянку и перебрался в другое, заранее подготовленное место. Оттуда вскоре и ударил по карателям, застигнув фашистов врасплох.

Так и не удалось Ване забрать отцовскую двустволку.

Партизанский отряд, в котором он слыл уже не только опытным проводником, но и хорошим разведчиком, действовал теперь далеко от Озерян.

Всё активнее были выступления партизан.

Летели под откос вражеские эшелоны, отрезались пути обхода фашистским войскам, нарушались линии связи, взрывались склады с боеприпасами и продовольствием.

Ни днём ни ночью не было покоя гитлеровцам.

Близился день победы. Красная Армия гнала захватчиков с оккупированных земель. Ей помогали белорусские партизаны. Бои шли чуть ли не каждый день.

Участвовал в них и Ваня, раздобывший себе, наконец, трофейный карабин.

В одном из кровопролитных сражений мальчика ранило в ногу. И гитлеровцам удалось захватить раненого Ваню в плен. Думали, что на допросах он не выдержит, расскажет всё. Но Ваня молчал.

Его отправили в Германию.

Красная армия освободила от вражеского плена многих советских граждан, детей. Среди них был и Ваня Озерянский.

Его подлечили, направили в детский дом.

Добрые люди заменили Ване мать и отца.

Он окончил школу, учился в техникуме, а потом стал работать электромонтажником.

Когда бывшие партизаны съезжаются в праздник Победы на встречу, Ваня, Иван Савельевич, приезжает тоже. Они бывают в школах.

Ветераны войны рассказывают ребятам о партизанских делах и с гордостью говорят: «С нами, в наших рядах, даже малые ребята находились! Например, Ваня. Помогал нам, как умел, громил врага, приближал Победу».

Публикуется по: Яновский, Л. Ваня Озерянский : рассказ / Л. Яновский. – М. : Малыш, 1972. – 13 с.